

Это никогда не забудется

Ивана Петровича Кулагина призвали в армию 20 февраля 1942 года. Прочувшись шесть месяцев в пехотном училище, он с частью своего полка был направлен в распоряжение Приволжского военного округа. Тогда нависла угроза над Сталинградом. Так как Курсканов не успел аттестовать, Иван Петрович попал в противотанковый дивизион, который входил в состав 45 Щорсовской дивизии. Принимать во пол-

—Поначалу попали мы не в сам Сталинград, а южнее него, на остров Степной, где преграждали путь противнику. Немские самолеты звено за звеном сбрасывали на нас бомбы, били из крупнокалиберных пулеметов, время от времени сбрасывая пустые бочки со сквозными отверстиями. Эта бочка летит с таким страшным воем, что сердце замирает. На самолетах еще сирены были, зайдет в шикэ—и с ревом на нас. Казалось, этому конца не будет. Сколько парней, ни разу не побывав в бою, там полегло!

Потом нас перебросили к станции Зашлаивная, а 23 сентября переправили на правую сторону Волги в район ожесточенных боев.

Погрузили нас на баржу, и только доехали до середины—приказ: «Ремни снять, шинели снять, обмотки снять, расстегнуть ботинки». Много барж тошнело во время обстрела при переправе, и, чтобы не уйти под воду под тяжестью обмундирования, нам приказали шинель держать только на плечах. При подходе к берегу мы тоже попали под интенсивный обстрел. Бом-

нее оружие и боеприпасы. Только я успел вылезть из воды, как прозвучал второй взрыв между нами и баржой, третий снаряд угодил в центр баржи. Все находившиеся на ней боеприпасы взорвались, многие солдаты погибли.

В 1978 году приехал я в Волгоград. Думаю, найду или не найду то место. В гостинице вещи бросил и туда—нашел сразу. Потом пошел к заводу «Красный Октябрь»—там был наш командный пункт. Рядом с заводом стоит остоявленный как памятник разрушенный дом. Недалеко от дома колодец, где брали воду.

Тогда все правобережье занимали немцы, нам от берега приходилось пробираться низиной через балку. Вокруг голо было, сверху немцы палят. Пусят осветительную ракету и сразу открывают огонь. Много наших осталось там лежать. Поистине долина смерти.

Закрепились на плаковой горе неподалеку от «Красного Октября», потом перебросили к заводу «Баррикады». До того доходило, что одну половину цеха мы держали,

чение прибыл генерал Василий Иванович Чуйков. Напутствовать войсковые приехали также жена Николая Александровича Щорса Фрума Ефимовна и дочь Валентина Николаевна.

В эти дни отмечается 50-летие начала контр-наступлений советских войск под Сталинградом. Предлагаем вниманию читателей воспоминания И. П. Кулагина.

ставлена конкретная боевая задача, от выполнения которой зависел успех если и не фронта, то полка, дивизии—обязательно. И это нам удалось, несмотря на большие потери. Во время этого наступления меня ранило осколком в плечо. В медсанбат не пошел, остался: примочить ватой—и вперед. Помню, санитарка моего Николая ранило (на противотанковых ружьях по двое было: один с ПТР, другой с винтовкой).

—Ты чего?—спрашиваю.

Он мне показал. На крыше сгоревшего дома немцы из бревен и кирпичей соорудили что-то вроде шалаша и палят оттуда.

Ну, я со злости и шаркнул по ним из противотанкового. Слышу, там крик раздавался, потом стихло. А Николай в тот же вечер погиб. Пошел он в медсанбат с ранением—десять метров осталось, тут выстрел. Много боевых товарищей я потерял в битве за Мамаев курган, и когда приезжаю сюда, то всякий раз отдаю дань памяти и визжит поклон перед памятником этой битвы—«Родина».

Капитан взялся за голову. Руины бани как на ладони стоят, вроде пустая, но не прошло, и часу, как из нее опять нас свинцом катают. Направив на нее «сорокапятку» и ПТР, мы снова пошли искать. На этот раз нашли под листом железа вход в подвал. Немцы сдались.

30 января меня еще раз ранило, когда брали школу, и я потерял сознание. В медсанбат был доставлен тоже без сознания. Командиру сообщили, что надежды на спасение нет. Получив похоронку, мать узнала, что я погиб в районе Сталинграда и похоронен в братской могиле. Вскоре она умерла. Полгода я продолжал без движения, перенес несколько операций, но остался жить.

Полвека отделяют нас от тех событий, когда врагу был нанесен сокрушительный удар. Сегодня многое в нашей истории оценивается по-другому. Кто-то пытается поставить под сомнение подвиг народа в минувшей войне. Не спорю, ошибки, в том числе и крупные, у командования были, пра-

Это никогда не забудется

Ивана Петровича Кулагина призвали в армию 20 февраля 1942 года. Прочувшись шесть месяцев в пехотном училище, он с частью своего полка был направлен в распоряжение Приволжского военного округа. Тогда нависла угроза над Сталинградом. Так как курсантов не успели аттестовать, Иван Петрович попал в противотанковый дивизион, который входил в состав 45 Щорсовской дивизии. Принимать попол-

нение прибыл генерал Василий Иванович Чуйков. Напустивать войскам приехали также жена Николая Александровича Щорса Фрума Ефимовна и дочь Валентина Николаевна.

В эти дни отмечается 50-летие начала контр-наступательных действий советских войск под Сталинградом. Предлагаем внимательно читателей воспоминания И. П. Кулагина.

—Поначалу попали мы не в сам Сталинград, а южнее него, на остров Степной, где преграждали путь противнику. Немецкие самолеты звено за звеном сбрасывали на нас бомбы, били из крупнокалиберных пулеметов, время от времени сбрасывая пустые бочки со сквозными отверстиями. Эта бочка летит с таким страшным воем, что сердце замирает. На самолетах еще сирены были, зайдет в пике—и с ревом на нас. Казалось, этому конца не будет. Сколько парней, ни разу не побывав в бою, там полегло!

Потом нас перебросили к станции Заплавная, а 23 сентября переправили на правую сторону Волги в район ожесточенных боев.

Погрузили нас на баржу, и только доехали до середины—приказ: «Ремни снять, шинели снять, обмотки снять, расстегнуть ботинки». Много барж горело во время обстрела при переправе, и, чтобы не уйти под воду под тяжестью обмундирования, нам приказали шинель держать только на плечах. При подходе к берегу мы тоже попали под интенсивный обстрел. Капитан катера, буксировавшего баржу, дал дымовую завесу, отошел от нас влево, дал круг, потом приказал поднять якорь и подогнал нас к берегу. В это время один вражеский снаряд попал в правый борт. Мы стали прыгать в воду, бросая в

нее оружие и боеприпасы. Только я успел вылезти из воды, как прозвучал второй взрыв между нами и баржой, третий снаряд угодил в центр баржи. Все находившиеся на ней боеприпасы взорвались, многие солдаты погибли.

В 1978 году приехал я в Волгоград. Думаю, найду или не найду то место. В гостинице вещи бросил и туда—нашел сразу. Потом пошел к заводу «Красный Октябрь»—там был наш командный пункт. Рядом с заводом стоит оставленный как памятник разрушенный дом. Недалеко от дома колодезь, где брали воду.

Тогда все правобережье занимали немцы, нам от берега приходилось пробираться низиной через балку. Вокруг голо было, сверху немцы палат, пустят осветительную ракету и сразу открывают огонь. Много наших осталось там лежать. Поистине долина смерти.

Закрепились на шлаковой горе неподалеку от «Красного Октября», потом перебросили к заводу «Баррикады». До того доходило, что одну половину цеха мы держали, другую—немцы. Мы тогда и не думали, что выживем. Это сейчас хорошо рассуждать, а тогда в колодезь липший раз не по-ойдешь.

И вот наступил тот день, когда наши войска перешли в контрнаступление. Перед каждым подразделением была по-

ставлена конкретная боевая задача, от выполнения которой зависел успех если и не фронта, то полка, дивизии—обязательно. И это нам удалось, несмотря на большие потери. Во время этого наступления меня ранило осколком в плечо. В медсанбат не пошел, остался: примочить ватой—и вперед. Помню, напарника моего Николая ранило (на противотанковых ружьях по двое было: один с ПТР, другой с винтовкой).

—Ты чего?—спрашиваю. Он мне показал. На крыше сгоревшего дома немцы из бревен и кирпичей соорудили что-то вроде шалаша и палатку оттуда.

Ну, я со злости и шарахнул по ним из противотанкового. Слышу, там крик раздался, потом стихло. А Николай в тот же вечер погиб. Пошел ли в медсанбат с ранением—десять метров осталось, тут выстрел. Много боевых товарищей я потерял в битве за Мамаев курган, и когда приезжаю сюда, то всякий раз отдаю дань памяти и низкий поклон перед памятником этой битвы—«Родина-мать».

На войне, конечно, без жертв не бывает, но все же. Брали городскую баню, в которой укрывались немцы. После ее обстрела зашли в нее—там никого нет—и решили разместить там. Не знали мы, что она заминирована. 180 человек враз завалило взры-

вом. Капитан взялся за голову. Руины бани как на ладони стоят, вроде пустая, но не прошло, и часу, как из нее опять нас свинцом катают. Направив на нее «сорокамятку» и ПТР, мы снова попытались искать. На этот раз нашли под листом железа вход в подвал. Немцы сдались.

30 января меня еще раз ранило, когда брали школу, и я потерял сознание. В медсанбат был доставлен тоже без сознания. Командиру сообщили, что надежды на спасение нет. Получив похоронку, мать узнала, что я погиб в районе Сталинграда и похоронен в братской могиле. Вскоре она умерла. Полгода я пролежал без движения, перенес несколько операций, но остался жить.

Полвека отделяют нас от тех событий, когда врагу был нанесен сокрушительный удар. Сегодня многое в нашей истории оценивается по-другому. Кто-то пытается поставить под сомнение подвиг народа в минувшей войне. Не спорю, ошибки, в том числе и крупные, у командования были, иначе не отступали бы до Волги. Но это никому не дает права нашу историю видеть только в черном цвете. Наш народ и его армия сделали все, чтобы остановить фашизм. И по тому памяти о полвек на фронтах Великой Отечественной, думаю, будет жить в памяти всегда.